

Василий Попов

Роза. Маленькая ложь

18+

Василий Попов

Роза. Маленькая ложь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Попов В. Л.

Роза. Маленькая ложь / В. Л. Попов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Ложь – неотъемлемая часть жизни, человеческого существования. Ложь наглая, ложь несусветная, ложь святая (во благо), ложь... ложь. Говорят – мир построен на лжи. Эта история о том, к каким последствиям может привести даже небольшая незначительная ложь.

«Не лги себе, не лги другим», -

Вменял толпе безмолвный мим,

Играя уличную драму в пантомиме.

Эффект один – факт грехопадения

необратим...

Мать

– Запомни на всю жизнь, моя дорогая, – мать любовалась дочерью в отражении зеркала, – ложь – один из самых страшных грехов. Солгав однажды, ты обрекаешь себя на вечное мучение ибо... – она подняла указательный палец вверх: – И неизвестно, в какой форме сама ложь возвращается обратно не единожды солгавшему. И звание лжеца закрепится за ним на веки вечные...

– Ну мама, прекрати! – Роза, перед зеркалом примеряя платье на выпускной, раздражалась шутливой сценичной игрой родительницы. – Ты разве никогда не лгала?

– Ну! Я... – красивая женщина, одетая в «хламные» джинсовые шорты и майку, поправляя на дочери наряд, махнула рукой, покрытой татуировками, и закатила небесного цвета глаза. – Ах, как я лгала!

– Как!? – Роза, недовольная недостаточным, по ее мнению, декольте наряда, развернулась к матери и, возвращая ту из секундного «стоячего литургического сна», щипнула ее за кожу сине-черной зататуированной демоническими образами ключицы. – Ну!

– М-м-м... – мать, открыв глаза, улыбнулась дочери. – Я лгала спонтанно, ситуативно, бестактно и бессовестно, непринужденно. Я лгала так, моя девочка, что сама верила в собственное вранье, очень часто путаясь, где ложь, а где правда, где скрытый мною за тематической терминологией фраз вымысел, а где реальность. И люди верили мне и, более того, убеждали других в том, что я действительно говорю правду, кристально чистую, всеми так любимую и обожаемую правду...

– И даже папа?

– Папа... Он-то как раз не любил правду, отторгая напрочь стереотипное мышление серой толпы, – блеснув глазами в ярком свете примерочной, она улыбнулась, вспоминая: – Твой папа был феномен в этой области, он врал очень изощренно, так, как он делал это, врать не мог никто! Порой мне казалось, что он намеренно искоренил из своего образа жизни правду и хотел посмотреть, к чему это приведет. Ложью была вся его жизнь, – она, смазав большим пальцем по губам дочери и растянув их, усмехнулась. – Не хочешь надеть бабушкину диадему на бал? Она удачно гармонирует с оттенками этого цвета и твоих неотразимых глаз...

– Посмотрим, – Роза, мотнув головой в сторону, избавляясь от руки матери, придирчиво осмотрела свой внешний вид: приятное лицо и светящиеся предвкушением предстоящего сексуального приключения на выпускном балу глаза. – И это привело в итоге к несчастью? – Роза, закусив нижнюю губу, смотрела в отражении на мать.

– Что?

– Ну, это намерение отца?..

– А... Что ты, Роза!? – Татуированные руки матери, «взлетев» вверх, с хлопком ударились о не менее татуированные бедра. – К счастью, только к счастью! Жизнь людей, окружавших его, стала спокойной и умеренной. Его родители, твои бабушка и дедушка, живые на тот момент, но измотанные поведением сына, перекрестились, благодаря господу богу, они, словно всю жизнь сражаясь с демоном и успокоившись, ушли на покой, а вскоре и в мир иной... Ну что, берем?

– Да.

Роза, аккуратно стягивая с себя легкое, почти воздушное платье цветом в тон ее светло-зеленых глаз, на секунду представила, как она снимает его перед своим избранником после

выпускного, но только на секунду, и, помотав головой, избавилась от реалистичных представлений.

– ... Наша с тобою жизнь полностью изменилась, – мать было уже не остановить, при этом она тщательно просматривала швы на выбранном ими вечернем платье, пока одевалась дочь. – Да, да! Наши родственники возобновили общение с нами, наш дом снова стал полон гостей – близкие, друзья, друзья близких... Храм лжи, выстроенный твоим отцом, в котором мы жили, был разрушен его смертью. Так что его смерть принесла нам счастье...

– Мама! – Роза снова слегка ущипнула мать, останавливая ее «словесный понос». – Так не говорят об ушедших!

Та же, одернув занавеску примерочной, за которой ожидала смущенная и несколько испуганная продавец-ассистент, повернулась к дочери:

– А что!? Здесь я говорю правду: смерть этого человека принесла нашей семье счастье...

Роза подтолкнула мать к выходу, пытаясь улыбнуться продавцу, прячущей стыдливо глаза. Пока они шли по «аллее» примерочных кабин, Роза слышала шепот за их задернутыми занавесками. Выйдя за дефилирующей перед ней матерью в зал, она обернулась – почти все занавески кабинок резко задернулись, пряча взгляды любопытных. Всем было интересно: кому же в их мире чья-то смерть принесла счастье.

Всем, кроме матери Розы. Та, гордо шагая, думала о выращенной ею Розе. О ее любимом цветке, за которым она так бережно ухаживала в собственной «оранжерее». От брошенного в землю семени, взошедшего ростка, окрепшего стебля, завязавшегося бутона, вот-вот готового раскрыться. Готового к срезанию цветка для украшения чего-то, в данном случае – кого-то... Но испуганно была не готова к подобному сама мать.

Она проецировала свое одиночество в результате «отрывания» от нее дочери, связанной с предстоящей самостоятельной жизнью последней. Она жила Розой, украшенная этим распускающимся бутоном, дышала ею...

Мысленно прокрученные не первый раз проекции матери заканчивались одним и тем же финалом для нее – «беспросветное» одиночество, последующий алкоголь со всеми вытекающими, преждевременная старость, смерть никому не нужного брошенного человека...

Мать думала об этом, шагая по заставленному стеллажами залу бутика, расплачиваясь в кассе с отрешенным от происходящего видом и уже выйдя с дочерью на улицу.

Только порыв теплого майского ливневого дождя вернул ее к действительности. Взявшись с Розой за руки и весело смеясь, они бежали к автомобилю. Они не видели, как смотрели им вслед сквозь отмытые потоками ливня витрины работники магазина и их клиенты, обсуждая между собой непозволительные, аморальные рассуждения довольно-таки взрослой женщины.

– Я люблю тебя, мама... – намокшие светлые волосы Розы и светящиеся от веселья глаза делали этот «цветок» невыносимо красивым.

– Я тебя тоже, дочь! – она поцеловала щеку любимого дитя, намочив губы, словно каплей росы с нежного лепестка соцветия.

Они продолжали весело смеяться порывам налетающего на их «паркетник» ливня. Сморщенной ткани одежды, выжатой во время остановки на светофоре. Дворникам, лихорадочно убирающим потоки воды с лобового стекла их автомобиля...

Еще кое-что глодало мать, хоть и скрытое за безудержным весельем, – предстоящая ложь Розы. Весь трактат на эту тему в магазине и был посвящен именно этому неизбежному факту.

С взрослением дочери они стали подругами, делящимися друг с другом самым сокровенным. Роза посвящала мать в свои подростковые тайны и даже пустила ее в «святая святых» – первую любовь.

Она, пылко краснея, рассказывала о нем, об этом спортивном и интеллектуально развитом мальчике – ее однокласснике, одержимо, так, как рассказывает эстет о произведении

искусств, которое он наконец-то увидел и даже коснулся, несмотря на предупреждающий запрет прописанных правил галереи, и «заболев» шедевром, страстно захотел обладать им. Мать же видела в нем банальную посредственность, завернутую в дорогую упаковку из оберточной бумаги родительского капитала.

*

Два дня до покупки платья

Теплый майский день. Лужайка дома с аккуратными декоративными кустами вместо забора и на манер футбольного поля, полосами выстриженным газоном. Мать и дочь, щурясь от лучей солнца, раскачиваются на больших качелях, тиская забравшегося к ним недовольно рычащего лабрадора.

Возня. Игра с домашним питомцем. Разговор о предстоящей взрослой жизни и далеко не детских поступках.

– Ты твердо решила?

– Да, я сделала выбор, – Роза дергала за уши скулящего при этом бежевой масти пса, – это осознанное решение: он мой избранник и спутник на всю жизнь, вместе с ним я приду к алтарю и вместе с ним я пройду тернистый путь сквозь тягости и лишения...

Мягкая ладонь матери с портретом известного рок-музыканта на кисти руки нежно закрыла рот дочери.

– Откуда ты берешь это? – она с упреком посмотрела на дочь.

– Что? – недоуменно спросила Роза, освободив рот. – А, это?..

– Ты слишком увлеклась «мылом», чья пена рассчитана на телевизионные ванны среднего статистического зрителя сельских районов, – она сняла с кожи щеки дочери одну из пушистых ресниц, выпавшую в возне с псом и, держа перед губами Розы, дожидаясь пока та, закрыв глаза, загадает желание и сдует волосинку. – Тебе надо больше читать.

– Да, – Роза открыла глаза, улыбнувшись.

– А если серьезно?

– Я люблю его, мама!

– Ого! – мать искренне удивилась услышанному. – Это серьезное заявление. Несмотря на когнитивный диссонанс, возникающий в складывающейся при этом ситуации?

– Ты о Наташе?

– Конечно, она же твоя подруга...

– Она лжет ему, вертит им, неумело скрывая свой шкурный интерес, основанный на финансовом положении семьи Алекса, – в глазах Розы боевая решительность. – Это по крайней мере подло!

– То есть не подло увести парня у своей подруги в вероятный день их серьезных признаний друг другу, – мать закрыла пасть слушающего диалог своих хозяек пса, подняв его нижнюю челюсть ладонью, – и, связав свою жизнь с ним, сбросить в сточную канаву дружеские отношения, связывающие тебя с человеком, с которым ты шагала рука об руку по дороге к взрослой жизни из своего сопливого детства?

– На самом деле, они не такие уж и дружеские... – Роза задумалась на секунду, глядя вдаль. – Что касается Алекса, это лишь спасение человека, ошибочно ступившего на неверный путь и предостережение его от предстоящих ошибок в целях его же безопасности.

– Неплохая трактовка для простого предательства, не находишь?

– Я уже все решила, мама! – Роза, сжав губы, отрешенно смотрела в пустоту. – И меня уже не остановить!

Мать закусила до боли нижнюю губу, понимая, что решение дочери окончательно-бесповоротное.

– Хорошо, – она улыбнулась, поднимаясь, сталкивая с ног лапы и морду пса, одновременно беря дочь за руку. – Тогда готовься к шопингу! Тур посвящен покупке платья для выпускного!

– Ура! – вскакивая, сжала кулаки перед лицом Роза, по-хоккейному, корпусом тела отталкивая прыгающего на нее пса.

– Ты знаешь, как называют шопинг в кругах представительниц русского глянца и гламура?

– Нет.

– Ротозоение.

– Почему?

Они, смеясь, бежали к арочному входу в дом, украшенному вьющимися растениями.

– Не знаю, может... – мать задыхалась от смеха, – может, потому что невозможно... натянуть на задницу всё то, на что раскрывается рот, когда смотришь на стеллажи брендовых магазинов...

Мать с грустью посмотрела на смеющуюся Розу, не услышавшую подтекст в озвученном ею.

Ей потребовался всего лишь день, чтобы понять смысл простого плана дочери. Он был построен на лжи. На пороке, котором так заикливо акцентировала внимание всю свою еще пока недлинную сознательную жизнь сама Роза.

Не мудрствуя лукаво, она собиралась свести под занавес выпускного бала в одном из тихих уголков Наташу и ее постоянного воздыхателя – такого же их одноклассника, несколько неадекватного, упертого кикбоксера Макса. При помощи сообщений, посланных с телефона Наташи Макс и Vertu Алекса – Наташе соответственно. И затем привести в место «молодежных любовных утех» самого Алекса.

Возможно, не гениально. Но просто. И уж совсем не гениально было делиться этим со своей матерью. Ведь каждый сам кузнец своего счастья. Зачем же привлекать в кузницу необязательных в этой ковке людей?

*

– Ты довольна? – мать смотрела в сияющие глаза дочери, при определенных преломлениях света кажущиеся даже желтыми.

– Конечно, – Роза поправляла намокшие под ливнем волосы.

– Ты будешь неотразима?

– Вне всякого сомнения! – Роза открыла запотевающее окно, радуясь лучам появившегося среди разрывов грозовых туч солнца. – Радуга – загадывай желание, мама!

– Хорошо... – Желанием матери, конечно, было ограждение дочери от задуманного ею.

– А почему мы остановились здесь? – Роза осмотрела строения элитного района, чей лоск сковывал своей роскошью сознание простого обывателя.

– У меня деловая встреча, – она как-то вымученно улыбнулась. – Это по работе...

– Здесь? – недоверчиво взглянула на мать Роза.

– Да. – Пожав плечами, та открыла дверь. – Самой даже не верится: им понравилась моё резюме. Что странно, ведь оно впервые было действительно честным.

Дочь, театрально похлопав в ладоши, протянула матери спортивную кофту с капюшоном, предлагая хоть как-то скрыть ее татуированное тело. Мать улыбнулась в ответ.

Роза удивилась быстрому возвращению претендентки на вакансию. Мать словно плыла через дорогу, поднявшийся после ливня ветер развеивал ее волосы. Это могло бы стать неплохим кадром для видеоролика так любимых матерью рок-групп. Такая яркая и выделяющаяся, в такую еще можно влюбиться.

«И нужно, – подумала Роза. – Почему она так и не заменила никем отца?»

Мать улыбнулась сидящей в машине дочери, махая ей рукой.

Всё оборвал гудящий и с визгом тормозящий автомобиль. Удар. Едва слышный, сдавленный крик.

Мать лежала на еще не высохшем асфальте, нелепо раскинув конечности. «Надоевшая кукла» из детства. В застывшем взгляде открытых глаз удивление. До конца не высохшие волосы намокали в медленно увеличивающейся луже крови.

Роза упала в обморок, увидев эту жуткую сцену. Вниз головой. Как цветок со случайно сломленным стеблем – к земле бутоном.

Похороны. Траур. Скорбь.

Конечно, ни о каком выпускном бале не могло быть и речи.

Роза сидела на полу среди разложенных на ковре пластинок, что так любила слушать мать. Бессмысленно перебирая их, глядя на фотографии шагнувших в историю музыкантов. Она пожирала себя изнутри. За свой несовершенный, но вероятный и озвученный вслух поступок. Ведь именно это привело к смерти ее самого близкого и любимого человека. Потенциальная ложь.

Роза, забирая вещи матери, нашла листок с телефоном Алекса. Вот почему они остановились в том районе. Мать хотела предотвратить ее порочный проступок, солгав Розе о встрече с несуществующим работодателем. Святая ложь.

«Проживу, не солгав...» – эту клятвенную строку попросила Роза высечь на могильном камне матери.

Она абстрагировалась от внешнего мира. Дистанцируясь от друзей и одноклассников. Не отвечала на звонки. Наташа. Звонил и Алекс. Роза не поднимала трубку. Она не знала, успела мать встретиться с Алексом или нет. В первом случае ей будет стыдно перед живыми. Во втором – вдвойне перед ушедшей.

Даже скулящий по ночам по не возвращающейся домой матери пес редко приходил к Розе. Так, несколько раз в сутки, ткнувшись в нее носом – проверить, жива она или нет. Словно он тоже знал основную причину пришедшей в дом беды.

Перемены

Самое лучшее лекарство – время. Об этом твердят на каждом углу. Пишут в журналах и вещают с экранов телевизоров. Не брезгают этим и люди, позиционирующие себя как гурู в психологии.

Действительно, душевные, эмоциональные раны лечатся временем. Заживляются, рубцуясь. Но время вряд ли бы стало панацеей без процветающей вокруг жизни. Тупо закрывшись в квартире, рефлексировав в рамках своего сознания, можно забить себя до смерти самобичеванием или воспоминаниями о произошедшей драме в вашей жизни.

Нужно продолжать жить. Тянуться к людям, к событиям, происходящим вокруг, как тянется цветок к лучам солнца, благоприятно влияющего на всю жизнь на Земле. Так потянулась к бурлящей за стенами дома и рамками ее горя жизни сама Роза.

Она сменила место жительства, уехав к дальним родственникам, не знавшим причин трагедии ее семьи. Пес был отдан в питомник. Лабрадор даже не обернулся на толкающую его к бесхозности Розу, войдя в клетку с другими бездомными представителями своего вида.

Смена обстановки, новые знакомства положительно повлияли на Розу. Из почти увядшего бутона расцвела красивая, слегка диковатая и колючая Роза.

Учеба, непрезентабельная работа по вечерам. Мужское внимание, комплименты – все в совокупности забальзамировало душевную рану, связанную с потерей самого близкого существа на земле.

Роза даже продолжила играть в футбол. И решила завести себе собаку. Нет, не лабрадор, генетически лишенный злости. Только бойцовская собака!

Артур ворвался в ее жизнь внезапно и стремительно, вскружив ей голову. Это было сродни ощущениям эмоционального всплеска, балансирующего на грани между вполне пред-

ставляемым страхом и неосознанным весельем. Когда это всё, соответственно, одобрено выбросами приличных доз адреналина. Прыжок с парашютом? Американские горки? Возможно, это и еще что-то...

Он появился в компании друзей и подруг на полях огромного зала боулинга, где и работала Роза. Нет, он не модель. Лицо, скорее, до конца не закончено ваятелем, оставившим резец ввиду появления в его мастерской небесной нимфы, причем, ожидаемой в скуке и отвлеченных размышлениях о ней. Поэтому лицо Артура и не было «закончено». Слегка грубовато, хоть и приятно.

Тело. Это было что-то. Даже очевидное, «спрятанное» под одеждой, – стержень, и в тот же момент тело гибкое, как пружина. Идя к шумной компании с напитками, Роза едва не упала, уже представляя, как они в объятиях с молодым человеком сгибаются и разгибаются вокруг его оси.

Скрыть свои чувства Роза не смогла. Поэтому, попав под взгляды модераторов ее появления, она мысленно прокляла себя за свой внешний вид. За идиотский, по ее мнению, наряд американского ковбоя – прихоть дирекции в поддержку проходящей недельной компании в заведении. Неуложенные волосы, торчащие из-под шляпы этого же ковбоя, и отсутствие даже намек на какой-либо макияж, связанное со спешкой на рабочую смену после тренировки.

Критическая оценка ее внешности выразилась во взглядах мужчин и в надменных ухмылках представительниц женского пола.

– Ковбой без коня не ковбой, – кидающая шар идеально загорелая брюнетка со слишком насыщенным зеленым цветом глазных линз заметила повышенный интерес одного из своих спутников к официантке. – Так, кажется, гласит народная мудрость?

Роза, игнорируя камень в свой огород, расставляла на столике напитки.

– Ну что ты, Виктория, – покраснел за свою подругу молодой человек, – мы же не на ипподроме и уж тем более не в прерии... Мы в боулинге, если ты заметила.

– То есть, Артур, – брюнетка, выбив страйк, бросила презрительный взгляд на Розу, – ты хочешь сказать, что конь покорителя диких степей где-то снаружи, привязан у входа?

– Не знаю, – Артур же с интересом наблюдал за обслуживающей их компанию девушкой, – но, если она безлошадная, я бы предложил ей оседлать своего коня...

Раздались смешки остальных членов компании, прислушивающихся к диалогу явных ее доминантов.

– А что, он у тебя до сих пор не объезжен? – громыхнула стоящей на подносе посудой Роза, из-под полей шляпы взглянув на говорящего. – Еще ни одной, даже захудалой конюшней не был принят?

– Да она дикая! – брюнетка, заглушая повышением голоса очередные усмешки, взяла с ленты подкатившийся шар. – Не в домашних условиях...

Роза очень быстро оказалась возле нее, слишком быстро – так стремительно переходят из защиты в атаку.

– Хочешь узнать всё о моей дикости? – она гневно смотрела в ярко-зеленые, неестественного цвета глаза оппонентки. – Там, за зданием, на заднем дворе, есть поле...

– Тихо, тихо... – появившийся внезапно администратор заведения встал между двумя возбужденными представительницами слабого пола. – Здесь не ринг для поединков и не место для разборок, расслабьтесь! А у тебя, Роза, сегодня, уже с этой минуты выходной! Где раздевалка, ты знаешь...

Замершие в предвкушении зрелища посетители, разочаровавшись, продолжили уныло бросать шары. Компания, которую обслуживала Роза, с восторгом отнеслась к жесту администрации: пицца и дополнительный час за счет заведения.

Несостоявшееся зрелище компенсировали хлебами.

Роза, получившая красную карточку за неспортивное поведение, демонстративно подождала брюнетку возле входа – безрезультатно и, попав в поле зрения администратора, прочитав его выразительный взгляд, удалилась.

Все предметы, более-менее похожие на мяч, по дороге домой ощутили на себе всю степень досады и разочарования, испытываемые Розой. Ее даже безответно обвинили в хулиганстве прохожие. Угрозу вызова полиции она, игнорируя, «отбросила в аут», признав в этом второстепенность из всего происходящего с ней. Ну и само собой, в мире в целом.

– Артур. Имя-то какое, представляешь? Тоже мне, король... – лежа уже в остывающей ванне, Роза делилась своими мыслями вслух с Алексом. – А эта фифа Вика, алё-малё, шар туда – шар сюда, в глаза взгляните, на разрез внимание обратите... Золотая молодежь, сука!

Алекс сидел напротив. Двухгодовалый бультерьер – верх аутичности, полностью разделял эмоциональное состояние хозяйки, подчеркивая это блеском своих маленьких «пороссячих» глаз. Он даже «хрюкнул» что-то, выражая свое мнение о сложившейся ситуации.

– Что? – не поняла питомца Роза. – А-а-а, ну да. Твой же «прототип» тоже был папенькин сыночек... Всё то, что не вписывается в рамки определенного материального положения, – ниже вас и создано только для прислуги и рабства...

Вылезая из ванны, она намеренно обильно смочила пеной и водой недовольно рыкнувшего пса.

– Пойдем, твоя рабыня покормит своего господина...

«Хрюканье» возле миски, возня. Роза уже не слышала реакцию припозднившихся соседей, на то как Алекс «ритуально» гонял по полу кухни опустошенную им миску. Сон – это все-таки святое. И Роза преклонялась Морфею, отдавая себя этому «эфемерному божеству» полностью.

Артур появился снова. Но уже без компании и с явными намерениями. Он, видимо, все-таки слышал что-то об извинениях или «загуглился» в интернете на этот счет. Иначе как объяснить тот факт, что он принес с собой уздечку? Реальную лошадиную уздечку для езды верхом. Только администратор оценил усмешкой эту степень его сожаления о случившемся, но и сам Артур уже понял: такой метод извинений не к месту. Девочки раскатывались по помещению боулинга на роликовых коньках и в «облегченной» форме хоккеисток. Очередной рекламный трюк компании, выпускающей экипировку для спортсменов. Очень сомнительный и похож на отмывку денег отделом маркетинга фирмы.

Если Артур и любил когда-то хоккей, то сейчас этот вид спорта упал с топовых рейтинговых позиций в самый низ. Он даже стойко выдержал игнор «хоккеисток», пока тех не подстегнул звук «свистка» – многозначительного покашливания «судьи» – администратора заведения.

– Я пришел извиниться, – Артур смело смотрел в светло-зеленые глаза одной из трех подкативших к нему «спортсменок», в руках которых вместо клюшек – подносы официанток, – за свои обидные слова...

– Ну, смелее! – напарница Розы, подогретая недавними обсуждениями памятных событий, бросилась в атаку. – А это тебе зачем?

– Подарок... – пожал плечами Артур, разглядывая уздечку в своих руках.

– Для ролевых игрищ что ли?

– Я бы хотел извиниться перед Розой...

– Смелые вы все, мужики, – активная подруга Розы взглянула на демонстративно удаляющуюся фигуру администратора, – как оскорблять, так публично, а как извиняться – индивидуально, почему толпу-то свою с собой не привел!?

Артур, слегка покраснев, не отрываясь смотрел в глаза Розы.

– Ладно, хватит... – Роза и сама не отрывала взгляда от Артура. – Ты же видишь, он все осознал.

– Смотри сама, – официантка, подкатив к ней вплотную, слегка стукнулась своим легким пластмассовым шлемом о Розин, их глаза оказались рядом, и, говоря, она снизила голос: – Он ведь весь такой! В этой ситуации он проявил себя минимально, ты же понимаешь, в дальнейшем он где-то выложится по максимуму, только результат может быть для тебя более плачевным...

– Я разберусь... сама.

Ее ассистентки звена атаки, молча и бросая взгляды неприязни на Артура, «разъехались» по рабочим местам.

– На самом деле, твоя коллега права, – Артур сел напротив Розы за стол, – и я просил всех из той компании прийти и извиниться, но они отказались. Это привело к внутреннему конфликту...

– И?

– И извини...

– Таким предметом примирения, – Роза, присаживаясь, указала повеселевшими глазами на элемент конской сбруи, – тебе трудно будет загладить свою вину, если только не затерев ее до дыр...

– Что именно?

– Вину! – Роза, рассмеявшись, опустив глаза, рассматривала уздечку, поскрипывая ее бордовой кожей. – Хотя Алексу она понравится...

– Алекс – это кто? – встревожился молодой человек.

– Это тот еще разбойник... – Она поднялась. – Через час заканчиваю смену, если дождешься и проводишь, так и быть, познакомлю вас.

В эту ночь соседи Розы были возмущены не только неугомонной возней ее пса, облаченного в ненавистную им и не понятным образом закрепленную на нем конскую уздечку. Но и звуками темпераментных извинений Артура, не прекращающимися до самого утра.

*

Понятие счастья эфемерно и относительно. Для кого-то оно определено в капитале, неважно, каким путем нажитом, иначе как объяснить понятие «несчастья» при отчуждении оного. Для кого-то выражено в сопливом мальчугане, гоняющем мяч с соседскими мальчишками во дворе. Кто-то ощущает его в первом «глотке свободы», кто-то чувствует всю полноту ценности счастья только на пике карьеры, толчком к взлету которой стало лишение людей этой же свободы.

Ну и конечно, выражаясь избитыми фразами, кому-то с милым и рай в шалаше, а кто-то ждет принца на белом коне. И то и другое актуально? Возможно. Но все зависит от людей и понятия отношений между ними. Оставим в покое демагогию.

Счастлива ли Роза? Вне всякого сомнения. Она любит и любима; за спиной своего мужчины как за каменной стеной. Их отношения визуально крепки и финансово обеспечены. Роза, как настоящий цветок, распускается и украшена бриллиантово-гламурным блеском. Пропцветая в составе одноименного магазина «Бриллиантовый гламур», являясь его продавцом и лицом одновременно. Артур – совладелец магазина, делящий доход на равных долях с двумя такими же пайщиками, которых ни разу в глаза не видел, встречаясь только с их представителями и управляя бизнесом посредством телефонной связи и интернета. Но современная деловая жизнь подразумевает подобное ведение дел. И всех это устраивает, так как значительно облегчает бизнес и предоставляет ведущим его больше свободного времени.

Роза, в силу своего характера, не могла позволить себе зачехнуть в бытовой рутине домохозяйки. Она со всей ответственностью заявила Артуру в момент окончательного выяснения статуса их отношений о своем желании работать в любой сфере и готовности даже остаться в роли официантки в том же боулинге.

Видеть в подобном «обрамлении» свой любимый цветок Артур не смог бы. Поэтому место продавца-консультанта в ювелирном магазине определилось как-то само по себе, с учетом фильтрации остальных предложенных вакансий.

Роза сидела на ратушной площади старого города, мило болтая со своей подругой. Покончив с шопингом, они заканчивали с десертом и кофе за столиком уютного уличного кафе.

Роза еще два дня назад лежала на пляже Красного моря, греясь на жарком солнце и нежась в атмосфере любви и заботы.

– Мне кажется, не хватает какой-то перчинки, – Роза, языком слизнув с верхней губы остатки черничного джема, взглянула на вспаривших с брусчатки площади в небо голубей. – Такой легкой остроты, в которой нуждается все то, что, уже скомпоновавшись из своих составляющих, превращается в однородную, почти что серую массу...

– Думаешь? – Таня, бесцеремонно разломив десертной ложкой «айсберг» «Черничного бархата» в тарелке Розы, попробовав его, сделала недоуменный вид: – По-моему, здесь эту роль неплохо выполняет корица.

– Я о нас с Артуром.

«Кареглазое недоумение» стерлось с лица Тани вместе с пониманием смысла сказанного подругой.

– Ты поняла это на море? – Таня убрала салфеткой крошки налипшего десерта со своих губ.

– Да и... Тревожные звоночки прозвучали гораздо раньше, – Роза надела солнцезащитные очки, прячась от лучей недостаточно теплого европейского солнца, – гораздо раньше...

– Что ты имеешь в виду? – Таня была близка с Розой и знала все об отношениях подружки с ее мужчиной, и конечно, любопытство сейчас взяло верх над всем происходящим вокруг.

– Ну не знаю... – Роза закурила тонкую розовую сигарету, – появилась какая-то рутинность в постели, прохлада в разговорах, недостаточная пылкость в утренних поцелуях...

– Ну, дорогая, – Таня взяла сигарету из пачки подружки и, поморщившись цвету табачного изделия, достала свою из пачки с неброским названием «Vouge», – так всегда бывает. Невозможно держаться на одном уровне постоянно. Это как в моде или шоу-бизнесе, да вообще во всем, не важно даже в чем. Ажиотаж спадает, и его надо подогревать чем-то для продвижения бренда: новыми линейками одежды, ароматами в парфюмерии, рекламой платья с не совсем прикрытым телом, публичным скандалом в конце концов... Ты, кстати, сколько уже с ним?

– Три года ...почти, – Роза отвлеклась на высокую фигуру мима, выделяющуюся на другой стороне площади в толпе. – Через пару недель годовщина, а я как-то страшусь ее. Артур предыдущим двум уделял такое внимание, всегда старается сделать этот день каким-то необычным, незабываемым...

– Да, да... – Таня, усмехнувшись, тоже надела темные очки, придающие ей вид лондонской леди. – Я помню ваш прошлогодний квест, это действительно незабываемо... А на самом деле, ты слышала что-то о кризисе семейных отношений? Об их точно рассчитанных кругах...

– Нет, – Роза все больше и больше обращала внимание на толпу, передвигающуюся по площади во главе с мимом, одетым в мантию судьи или обвинителя.

– У меня было такое с моим первым, – Таня, считающая солнечные лучи далеко не холодными и вредными для кожи лица, скрылась в тени большого рекламного зонта. – Мы даже посещали семейного психолога...

– Что-то конкретное? – Роза неосознанно поджимала ноги, «прячась» от приближающейся толпы с мимом – ей казалось, что он шел именно к ней, хотя уличный актер даже не смотрел в ее направлении, и, более того, вся эта масса людей двигалась чуть в сторону – к памятнику великого полководца в центре площади.

– На самом деле, причин несколько, – Таня с видом знатока запрокинула голову слегка назад. – Но не думаю, что хотя бы одна из них подходит под твой случай...

– В смысле? – Роза слегка успокоилась, видя, как толпа застопорилась, весело приветствуя контакт мима с одной из прохожих девушек.

– В прямом... – Таня, поморщившись в очередной раз, с какой-то злостью затушила недокуренную сигарету, словно в ней была причина всех ее семейных бед с ее бывшим. – У нас это были финансовые проблемы. Знаешь, после сказочной свадебной эйфории попадая в бездну бытовых проблем, тебе просто необходимо выбираться оттуда по лестнице, созданной из прочных финансовых ступеней семейного капитала. Так вот, наша, – она, вздохнув, осмотрела небо с внезапно появившимися облаками, оттеняющими светило, – была свита из совсем непрочной веревки: каждый раз, пытаясь подняться, мы срывались вниз...

– И что? – Роза, сунув в рот десертную ложку, гоняла ее туда-сюда, глядя на подругу и привлекая своими оральными действиями к себе пристальное внимание двух грузинов, сидящих через столик напротив.

– И ничего... – Таня всем видом дала понять, что ей эта тема не совсем приятна, – он остался внизу, а я полезла вверх.

– Каким образом? – Роза все-таки заметила расширенные глаза представителей грузинской национальностей и спряталась от них за подругу.

– Ну при помощи одного моего знакомого... Да и это неважно уже!

– Ну ты же понимаешь, у меня все не так. С деньгами проблем нет.

– И детей у вас нет... – Таня пожала плечами. – Они или отсутствие их становится также одной из немаловажных причин.

– Мы не планируем пока.

– Ну тогда психологическое состояние одного из партнеров может тоже вызывать кризис в отношениях пары, – Таня подняла на лоб очки в поисках спрятавшегося среди темнеющих облаков солнца. – У тебя с этим как?

– Не знаю, хотя меня кое-что беспокоит... – Роза смотрела в глаза Тане, «нашедшей» солнце на небе, шурилась от его лучей. – Скоро пять лет со дня смерти матери, я очень часто думаю об этом, о ней вспоминаю... Планирую поехать к ней. Может, эти два знаменательных события как-то переплетаются где-то глубоко внутри меня? Я не знаю, как это сделать: поехать к ней до годовщины с Артуром – этим я боюсь омрачить по приезду наш с ним праздник, поехав после, я опоздаю к ней, оскорбив тем самым ее и отдавая большее предпочтение собственному счастью...

– Возможно, но тебе их необходимо разделять – эти два события, и четко... Ой! – Таня, вздрогнув, смотрела чуть в сторону от подруги.

Повернувшись, Роза увидела мима в паре метров от себя и окружившую его затихшую толпу. На нем была действительно мантия обвинителя. Белый парик и напудренное лицо. Подведенные глаза и накрашенные губы.

Он заиграл сцену, приковывая общее внимание. Мим, не отрываясь, смотрел в глаза Розе, вызывая неприятные ощущения у девушки. Жесты и мимика говорили о многом, по крайней мере для нее. Она понимала смысл драматической «постановки», заложенный в пластичных движениях и выражениях масок его лица, сменяемых сценами. Это вызывало внутреннюю панику в ней.

Роза тушила сигарету, ища на ощупь пепельницу, стоящую на столике. В итоге раздался звон падающего стакана. Мат Тани. Они, шумно отодвигая стулья, хватая пакеты, убегают, вызывая свист публики и выражение полного разочарования мима.

– Ты что-нибудь поняла? – тяжело дышала, слегка согнувшись возле Розы, Таня, едва они остановились на одной из узких улиц со старинными зданиями.

– Да... – выдохнула с шумом воздух из легких и Роза. – Все-таки необходима перчинка... в отношениях...

– Я не об этом, – Таня подставила ладонь редким, но крупным каплям дождя. – Этот, в парике!?

– Он намекал на то же... – Она оглянулась на едва слышимый треск разгорающегося неона витрин, освещающих улицы, погружающиеся во мрак начинающейся непогоды. – Пошли к машине!

*

Артур

Артур готовил ей очередной подарок. Он трепетно относился к своей избраннице и, тем более, к выбору подарка для нее. И что очень важно, было необходимо скрасить прошлогодний подарок. Над которым постоянно подшучивал его товарищи владелец консалтинговой компании Давид, вызывая раздражение и неадекватную реакцию Артура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.